

20 05 2016 Пятница

Возвращенные имена

«Вы знаете, что самое страшное в жизни? — спрашивает Наталья Морокова, поисковик с 50-летним стажем. И отвечает после небольшой паузы: — Неизвестность. Когда вы знаете, что ваш родственник умер и похоронен, это одно. А когда он пропал без вести — это очень тревожное состояние».

Наталья Бариевна занимается поисковыми работами с 1964 года. Отрядами, в которых она лично участвовала, было перезахоронено около шести тысяч воинов. За время работы с архивными документами Натальей Мороковой были установлены судьбы более чем двух тысяч погибших и пропавших без вести воинов. А сколько фамилий занесено на стелу памяти в Лагерном саду по ее инициативе!

Первый шаг к этой большой благородной работе был сделан в детстве, когда она решила во что бы то ни стало выяснить, как погиб ее дедушка.

Как внучка деда искала

Поиски сведений о судьбе деда, не вернувшегося с Великой Отечественной войны, оказались самыми продолжительными по времени. На фронт Евгений Замаратский уходил добровольцем с должности юрисконсульта железнодорожного узла станции Белово Кемеровской области. Ушел рядовым бойцом, на фронте стал парторгом минометного батальона. В семье сохранились письма, где был указан номер воинской части. Известно было также, что Замаратский был награжден орденом Красной Звезды.

— Так как воинская часть была известна, я стала искать однополчан деда, — рассказывает Наталья Бариевна. — В письмах он упоминал своих боевых друзей.

Искала их через адресные столы, через советы ветеранов, военкоматы, архивы.

По ниточке распутывая сложный клубок исторических загадок, она все же нашла людей, которые помнили ее деда и помогли в деталях восстановить день его гибели.

«Командир полка отправил Евгения Замаратского с группой разведчиков, группа прошла вперед, а дед остановился у сосны. В это время начался минометный обстрел, — Наталья Морокова не раз рассказывала эту историю, но все равно не может скрыть волнения — даже если она будет звучать в сотый или тысячный раз. — Дед погиб на месте в результате прямого попадания мины. От него остался лишь трофейный «Вальтер».

Факты были установлены. Но проблема заключалась в том, что фамилия деда не была включена ни в одну Книгу Памяти. Существует правило: погибших на войне вносят в Книгу памяти по месту призыва, либо по месту рождения, либо по месту захоронения. Третий вариант отпадал сразу. Из Белова, откуда призывался Замаратский, его внучке ответили, что у них нет данных. По месту рождения деда — в Иркутской области — предложили обратиться в Белово. Круг замкнулся. Тогда она добилась, что фамилию Евгения Замаратского внесли на стелу Лагерного сада в Томске, по месту жительства дочери, внуков и правнуков воина.

70 лет считала отца героем

Получив первый опыт, она стала помогать другим искать пропавших на войне родственников. Почему люди десятилетиями не ищут своих близких, и вдруг спохватываются, когда прошло пятьдесят, шестьдесят и даже семьдесят лет?

— Значит, люди созрели именно сейчас, — считает Наталья Бариевна. — Раньше были свои насущные заботы, а с возрастом пришло понимание, что завтра, возможно, и их самих не станет, и все канет в неизвестность. И это лежит на сердце тяжким грузом: что же случилось с их близкими на войне, как они погибли, где похоронены?

Историй много — их можно рассказывать часами. Все они впечатляют, потому что они о людях, которые хотят знать судьбу своих отцов и дедов. Год назад к Наталье Мороковой обратилась женщина, которая ничего не знала о своем отце — ей было четыре года, когда он ушел на фронт и пропал. В Книге Памяти сведений об этом человеке не обнаружилось, зато они оказались в книге по репрессированным и реабилитированным.

— Нас воспитывали, что если мужчины пошли на войну, они все герои, — говорит Наталья Морокова. — Но оказалось, что отец этой женщины получил 10 лет лишения свободы и пять лет без права переписки. У меня душа болит: как я это его дочери скажу? 70 лет она думала, что ее отец — герой... Звоню ей, прошу на всякий случай

повторить анкетные данные. Все сходится. Говорю: должна вас огорчить, он не пропал без вести. Хорошо, что я ее лица не видела, я бы не выдержала этих глаз, наполненных болью.

Поисковик посоветовала обратиться в ФСБ, в отдел, который занимается реабилитацией репрессированных. Буквально через два дня женщина вновь позвонила Наталье Бариевне, договорилась о встрече и принесла копии документов. Вместе с ее отцом были приговорены к разным срокам еще 18 человек, один — к высшей мере. Так стала известна судьба сразу 19 красноармейцев. Все они были родом из Алтайского края, откуда в 1931 году их выселили в Чаинский район. Потом их мобилизовали в действующую армию. Возможно, у них были свои обиды на советскую власть. Солдаты-односельчане ехали в одном вагоне и вели откровенные разговоры, которые в результате доноса и послужили причиной ареста.

Правда, даже горькая, даже не соответствующая нашим ожиданиям, все равно лучше, чем неизвестность, убеждена поисковик. Но экскурсии в прошлое не всегда сопряжены с трагедией. Есть и примеры героизма, которые выходят на свет после усилий поисковиков.

— Был такой случай, — рассказывает Наталья Морокова. — Коломентьев Николай Васильевич был пулеметчиком 166-й стрелковой дивизии и стрелял из окопа своего до тех пор, пока этот окоп не сровнял с землей надвигающийся фашистский танк. Это известный случай, об этом вспоминал кто-то из ветеранов еще в 60-е годы. Но в Книге Памяти Коломентьев почему-то значился пропавшим без вести, видимо, не было документального подтверждения его гибели. Однажды мне позвонили поисковики и сообщили, что во время раскопок в Смоленской области нашли бойца, в медальоне значилось: Николай Коломентьев. Я знала, откуда он призывался, и буквально через пять минут, позвонив в сельсовет, выяснила, что сын героя умер, но есть внук, который работает в Томске. Дозвонилась и до внука. Мужчина тут же купил билет, чтобы лететь туда, где нашли останки его деда. Людям это надо, понимаете. И ради этого стоит работать.

Сервиз от Кучмы

В середине 1980-х Наталья Морокова вместе с мужем-военнослужащим оказалась на Украине, в Житомирской области. Там она возглавляла поисковый отряд, состоявший из школьников и учащихся техникумов. Однажды в газете прочла интервью Леонида Кучмы (в то время он был президентом Украины), где он рассказывал, как война коснулась его семьи. В частности, президент признался, что знает, что его отец умер от ран и похоронен где-то в Ленинградской области. Но где именно — неизвестно: даже занимая высокий государственный пост, Леонид Кучма не мог установить место захоронения отца.

— Я начала выяснять и узнала, что Кучма-старший похоронен в поселке Новоселица, который раньше относился к Ленинградской области, но потом был переведен в Новгородскую область, — рассказывает Наталья Бариевна. — Поэтому и найти место захоронения не могли — на все запросы из Центрального архива отвечали, как положено по инструкции. Заодно в наградном отделе я узнала, что Даниил Кучма был награжден орденом Красной Звезды. Он умер в феврале 1942 года, тогда еще не очень щедро награждали. Значит, что-то значительное этот человек совершил в 1941 году. Копии документов Наталья Морокова положила в конверт и отправила президенту Украины. А через две с половиной недели на работе ее пригласили в кабинет руководства и сообщили, что сейчас ее соединят с первым лицом страны. «Леонид Даниилович поблагодарил меня, спросил, как мне это удалось, — вспоминает Наталья Бариевна. — Я ответила: это моя работа, а что я еще скажу?» Через год, в благодарность за восстановленную историческую правду, Наталье Бариевне передали подарок от Леонида Кучмы — красивый столовый сервиз.

Поиски продолжают

В Лагерном саду есть стела памяти с фамилиями томичей, погибших в годы Великой Отечественной войны. Раз в два года к имеющимся добавляются новые фамилии, это результат кропотливой работы поисковиков. Ведь данные нужно не просто собрать, надо еще документально доказать, что эти фамилии достойны появиться на стеле. Всего за эти годы было добавлено более тысячи имен.

Свой героизм был не только на фронте, он был и в тылу. В Томске в годы войны было расположено 35 госпиталей, сюда было эвакуировано восемь военных училищ и Академия связи. А сколько предприятий было перевезено в Томск! «Есть задумка сделать справочники по предприятиям. Там столько интересного!», — делится планами Наталья Бариевна.

Сейчас ее мысли занимает трагедия, случившаяся в Томске в мае 1943 года. В один из детских домов Томска привезли ребятишек из блокадного Ленинграда. Девять детей в возрасте от 5 до 9 лет умерли от отравления цикутой — видимо, так пострадали от голода, что наелись побегов ядовитого растения. Все ребятишки похоронены в общей могиле, в 1975 году студенты биолого-почвенного факультета ТГУ поставили памятник на месте захоронения. С тех пор за могилкой никто не ухаживает.

— Сейчас мы бьемся, чтобы доказать, что эти дети — блокадники, — говорит Наталья Морокова. — Все архивы пересмотрели, нигде сведений пока не нашли. Возможно, у этих детей живы родственники. Если мы докажем, что погибшие были блокадниками, тогда будут выделены деньги на памятник и оградку, мы сможем облагородить место их последнего покоя.

Она готова заниматься поисковой работой, не жалея времени и сил. Единственное, о чем приходится сожалеть: у нас нет ни одной государственной структуры, которая бы официально занималась тем же, чем занимаются поисковики. Если бы к этой работе еще подключилось государство, белых пятен на карте истории осталось бы меньше.

Законов и программ много, но время ушло.

Юлия КЛИМЫЧЕВА.